

Первый день войны запомнился Ивану Мосягину ослепительным жарким солнцем, красками цветущего лета... и мертвящей тишиной родной деревни. Все односельчане толпились возле правления колхоза имени Сталина, у столба с чёрной тарелкой репродуктора. Слов выступавшего по радио члена правительства Иван не запомнил, лишь врезались в память обрывки речи: «...Вероломное нападение... бомбили мирные города... все как один... дадим отпор агрессору!...»

Было тревожно и как-то даже радостно: война! Разобьём врага на его территории! Смущала только старая бабка Матрёна Боженкина, стоявшая рядом и истово крестившаяся на репродуктор:

— Опять германец напал! Антихристы! Сколько народу поляжет, Боже мой!

Едва кончилась речь наркома и по радио зазвучали бравурные марши, завывали-заголосили деревенские бабы. А мужики посуровели и поспешили на поля, выполнять свою крестьянскую работу. Чували они, что недолго осталось им жить в родной деревне. Увезут их отсюда на чужую сторону, остригут, оденут в шинели и поставят на пути у ревущих танков, пикирующих самолётов. И подставят они свои груди под вражеские снаряды, пули, бомбы, пущенные врагом в их Родину. И немногие из них вернутся после войны к родным полям и нивам.

Ваня весной 1940 года окончил семилетку в ближнем селе Никольском и с той поры работал в своём колхозе учётчиком в бригаде коноплеводов. А молодёжь выбрала его секретарём местной ячейки РКСМ. Бригадир был доволен шустрым, активным пареньком и недавно твёрдо пообещал:

— На будущий год, как уберём урожай, отпущу тебя в город. Поедешь, паря, в сельхозтехникум. Станешь агрономом али землемером. Учись!

Но теперь об учёбе и вообще обо всех планах на мирную жизнь пришлось забыть. Оставалось только работать, терпеть лишения военной поры и ждать. Ждать победы, ждать с фронта мужиков, ждать своей очереди идти на защиту Родины.

Вскоре приехала в деревню на двуколке верховная местная власть — участковый уполномоченный старшина милиции Могилин и с ним военком из района, в блестящих хромовых сапогах и с медалью «20 лет РККА» на защитного цвета френче. Начальство провело митинг, оставило полотняный лозунг «Всё для фронта! Всё для победы!» и забрало с собой первую партию призывников. Молодых, сильных да могучих мужиков построили в две шеренги и увели за своей двуколкой. Вся деревня провожала их за полверсты, до брода через речку Каменку. Никто из первых солдат не вернулся домой.

Следом постепенно выгребли из деревни и остальное мужское население. Остались только ребятишки, да старики, да инвалид Гоша Шепелявый, потерявший ногу на лесоповале.

В августе призвали и Ваниного батяню Степана Мосягина, хотя и было ему уже сорок два года. Степан в молодости успел повоевать в Гражданскую войну. Сначала он был в партизанском отряде Петра Щетинкина, потом с Красной Армией воевал в Забайкалье с белым бароном Унгерном. И вот под старость лет пришлось ему вновь стать под ружьё. В последнюю ночь, слышал Ваня, не спали родители, всё шептались, мать плакала тихо. Отец гудящим шёпотом уговаривал её крепиться, рóстить детей, простить его за реальные и мнимые обиды. Наутро взял батя котомку с чистым бельём, с хлебом, солью да махоркой. Простился с младшими детьми, а Ивану, как большому, пожал руку:

— Живи, Ваньша, будь в доме хозяином! А мы уж там повоюем! Бог даст, прикончим скоро войну. Хорошо бы к весне, чтобы к посевной вернуться. Да и вы, огольцы, не дай Бог, не успели подрасти, чтобы вас война не взяла. Не поминай лихом! Прощевай и будь достоин нашей фамилии!

Ушёл отец с другими деревенскими мужиками, а вместе с ним пошла и мать. Она прильнула к груди мужа и шла,

и шла, пока несли её ноги, пока не ослабела она и не упала в дорожную пыль.

Месяца через два пришло от отца и первое письмо — треугольник из тетрадного листочка в косую линейку. Папаня писал, что у него всё хорошо. Полк, где он служит, боевой, крепкий. Ребята во взводе дружные. Командир полка — немолодой, опытный, солдат жалеет, заставляет рыть окопы полного профиля и блиндажи в два, в три наката брёвен. Что «фрицы»... (тут вымарано цензурой), всё лезут и лезут, но скоро мы их разобьём и погоним с нашей земли.

Отец слал письма редко, но регулярно. После зимних боёв под Москвой и лёгкого ранения его из пехоты перевели в ездовые, и теперь он занимался более привычным для его крестьянских рук трудом.

Тем временем война и не думала кончаться, а продолжала всё греметь далеко на западе, перемалывать человеческие судьбы и обирать деревню подчистую. Из села забирали всё: мужиков — в солдаты, зерно и животных — чтобы кормить фронт и город, молодёжь — чтобы трудиться на грядущую Победу.

Прошла первая военная страшная зима. За ней и весна, когда пахали и сеяли только бабы да ребятишки. И работали уже не на тракторах да лошадях, а на коровах да на себе.

Весной, после посевной, опять приехал участковый Могилин, забрал Ваню и нескольких его сверстников и сверстниц и отвёз на пристань Сорокина. Там молодёжь погрузили на баржи и увезли в областной город Н-ск. В Н-ске они работали на строительстве цехов для эвакуированного с запада Брянского паровозного завода. Условия жизни и труда в городе были очень тяжёлыми, да мучила тоска по дому, по родным. Когда Ивана осенью вернули на уборочную в свою деревню, он был страшно рад, хотя работать приходилось от темна до темна, и под дождём, и под ранним снегом. И война продолжалась, и немец всё ещё стоял у Ленинграда, у Ржева, у Сталинграда.

В сорок третьем году пришёл срок призыва молодых людей года рождения Ивана. После Нового года почтальонша Груня Чанчикова принесла Мосягиным письмо от Степана из полевого госпиталя. Отец писал, что ранен в руку, хирург оттяпал два пальца, но работать он сможет и, вероятно, скоро вернётся

домой, так как исполняется ему сорок пять лет и он подлежит демобилизации. И ещё приходил к нему опер из СМЕРШа и допрашивал об обстоятельствах ранения. Но врач заступился и выдал справку, что ранили его, Степана, правильно, что пуля немецкая разрывная, что самострела не было. Та же почтальонша принесла повестки молодым парням — Ивану и его одноклассникам: прибыть одиннадцатого января с вещами в райцентр на призывной пункт. И снова мать хлопотала весь вечер, собирая теперь уже сына в дальний путь. Младший брат и сёстры испуганно смотрели с полатей на старшего, который уйдёт от них завтра незнамо куда — на непонятную и страшную «войну». Второй брат, мосластый и лобастый Мишатка, не отходил от Ивана, старался сделать для него что-то нужное, приятное. И так же, как отец в сорок первом, говорил Мишатке Иван:

— Разобьём скоро мы фашистов, Мишка! Не допустим, чтобы и ты на войну поспел! А ты остаёшься за старшего в семье. Смотри, маманю береги да младших в обиду не давай!

Не знали братья, что и Михаилу придётся повоевать. Пусть и не с немцами, так с японцами. Призовут и его в армию в 1945 году, и будет молодой солдат Миша Мосягин штурмовать японские доты под Муданьцзяном, брат в плен вражеских солдат и офицеров на Квантунском полуострове.

Ночью ворочалась мать, плакала в подушку тихо, чтобы не будить детей. Но Иван и сам почти не спал. Страшно ему было идти на войну, где можно оказаться раненым и даже убитым, прожив всего семнадцать лет и три с половиной месяца! Так хотелось ещё пожить: водить коней в ночное, косить сено в утренней росе, рыбалить на зорьке. И ещё девчонку бы поцеловать, хоть разок!

Но наступило утро. Мать затопила печь, покормила сына на прощанье простыми щами без мяса и дала ему такую же, как отцу, холщовую котомочку. И в ней так же были смена белья, коврига ржаного хлеба, тонкий шматочек сала и небольшой мешочек с резанным мелко табаком. И наказ мать дала: дескать, ты, сынка, сам не кури, а продай в городе табак, а деньги с умом потрать!

И зашагал Иван с пятью своими одноклассниками по просёлочной дороге, уводящей из родной деревни, и не знал, доведётся ли ему когда-нибудь вернуться сюда. Когда на виду

остались только крайние избы, Ваня приотстал от товарищей, обернулся назад и, зажав в кулаке маленький медный крестик, подаренный матерью накануне, срывающимся шёпотом наскоро прочитал молитву, заученную от бабки ещё в раннем детстве, и попросил Господа спасти его и сохранить.

В районном центре, селе Ленинское, новобранцев разместили в сборном пункте — холодном деревянном бараке с нарами, битком набитом народом. На другой день их всех чуть ли не бегом прогнали через комнату с врачами и кабинет военкома. Затем во дворе построили в команды и распределили по родам войск. Большинство призывников, конечно же, определили в пехоту. Ивана и его односельчанина Ваську Боженкина, внука бабки Матрёны, записали в артиллеристы. Василий был хороший товарищ, добрый, спокойный, работящий. И из себя был парень хоть куда: высокий, сильный, приятный лицом. На него засматривались все деревенские девчата и даже некоторые молодки. Вася же был парнишка скромный и, насколько знал Иван, ещё ни с кем из девушек не дружил.

В середине дня будущих артиллеристов посадили по четверо в конные кошёвки и повезли в ближний уездный городишко М-ск. Парни, не евшие с утра, перекусили дорогой домашним хлебом и кусочком сала размером с мизинец. Тогда же, по подначке более старших парней, Иван попробовал первый раз курить табак. После этого у него долго першило в горле и во рту было противно, но хотя бы есть не хотелось.

Вечером, когда они приехали в М-ск и разместились в казарме, их накормили ужином — пшённой кашей на воде и чаем с кусочком сахара вприкуску. Зато когда утром Иван проснулся и достал из-под подушки котомку, сала в ней уже не было.

В М-ске размещалось миномётное училище ускоренного курса. Здесь учили математике, черчению, геометрии, тригонометрии, тактике, теории артиллерии. Правда, в классах, то есть в казарме, занимались мало, а постигали воинскую премудрость в основном на улице. Да и всякие науки в головы молодых, в основном деревенских, парней заходили с трудом. Постоянно хотелось есть, и холод донимал, и занятия строевой, и хозяйственные работы. В конце дня курсанты уставали и засыпали мгновенно, едва добравшись до набитых сеном подушки и матраса и тонкого одеяла.

Строевые занятия и стрельбы проводились на льду ближайшего озера. В январе стояли холода, а в феврале задули северо-западные леденящие ветры. Тонкие шинельки продувало насквозь, ушанки были с завязанными клапанами, которые не разрешалось опускать, пока командир учебного взвода сам не обморозил уши. Тогда он разрешил и курсантам опустить клапаны. Много радости принесло известие о победе под Сталинградом. Значит, и немца можно бить! И жертвы не напрасны! Наше дело правое, мы победим!

Так они прозанимались три месяца. В конце апреля поступил приказ: ускоренный курс выпустить досрочно и отправить на фронт рядовыми бойцами. Срочно провели зачётные стрельбы. Из наиболее шустрых и боевых ребят назначили сержантов — по одному на десять солдат. К гимнастёркам и шинелям пришили полотняные погоны. Через неделю их на грузовиках вывезли на ближайшую железнодорожную станцию. Там к бывшим курсантам добавили несколько выздоровевших раненых из тыловых госпиталей и сформировали маршевый батальон. Пока ожидали состава на запад, слонялись по перрону. Вход на вокзал и выход в город были строго запрещены. В обратном направлении, в сторону областного города Н-ска, следовал санитарный поезд. Эшелон остановился для заправки паровоза водой и дровами. Из вагонов вынесли несколько носилок с покрытыми простынями телами умерших в дороге солдат. Отправляющиеся на фронт молча, с грустью и тоской смотрели на смертные носилки, на раненых в окровавленных бинтах и повязках. Их, вероятно, тоже ждало то или иное. Когда санитарный поезд ушёл дальше, все долго были хмурыми и задумчивыми.

— Что заскучали, орлы? — спросил Ивана и Васю излечившийся боец, невысокий узкогрудый мужик лет тридцати с хитрым прищуром глаз.

— Страшно, дяденька, — простодушно откликнулся Вася. — А вдруг убьют? Или руку-ногу оторвёт? Кому я тогда нужен буду? Я же не смогу в колхозе работать.

— В колхозе работать?! Ха-ха! Птенчики вы мои! Немец вам головы поотрывает и вместо хвоста вставит! Убьют вас в первом же бою! Чтобы на войне выжить — хитрить надо. Я-то уже повоевал, понюхал пороха. Знаю, как крутиться

надо, чтобы выжить. Хотите, и вас научу? Слушайте, птенчики, сюда. Проще всего избежать передовой — это на медкомиссии прикинуться больным, косым, хромым. Но это уметь надо, чтобы поверили. А ещё простой способ — махры наесться: сердце будет колотиться как очумелое...

На краю платформы показался красноармейский патруль.

— Знаешь что, дядя, ты нам такое не говори, — строго сказал Вася. — За членовредительство знаешь что бывает? Трибунал! Пойдём, Ваня, от него подальше!

Наконец подали состав из длинного ряда теплушек и одного пультмановского вагона для офицеров. Солдаты, по сорок человек, заняли товарные вагоны, оборудованные нарами в два этажа и железной печкой. Паровоз, старенькая «овечка», дал длинный гудок и, пыхтя серым паром, медленно двинулся на запад. Ехали не спеша, пропуская литерные составы и срочные военные грузы. В конце мая по объездной дороге проехали Москву.

— На Западный фронт едем! — шептались опытные солдаты.

Прошёл слух, что самых сильных, здоровых и грамотных определяют в расчёты реактивных миномётов «Катюша». Иван с Васей обрадовались:

— Вот хорошо бы и нам туда попасть! Новая, мощная техника! Тогда бы мы повоевали с фашистами как следует!

На одной из коротких остановок командиры объявили, что всех распределят по видам артиллерии, а через день, по прибытии в тыловые порядки действующей армии, выдадут снаряжение и оружие.

Эшелон с молодым пополнением проехал разрушенный сражениями Смоленск и, влекомый закопчённым паровозом, медленно тащился по сшитому на живую нитку пути к станции Красный. Иван с тоской глядел в приоткрытую дверь теплушки на весеннюю зеленеющую землю, на редкие, сожжённые дотла деревушки и думал, как же там, дома, как управляют без него мать и Мишка и скоро ли вернётся в родную деревню из госпиталя отец.

Вдруг сразу несколько голосов заорали:

— Воздух! — и тут же где-то впереди раздался оглушительный взрыв.

Паровоз дёрнулся и резко затормозил.

— Все из вагонов! — раздалась команда.— Укрыться в лесу!

Солдаты с шумом откатили дверь и стали спрыгивать на насыпь. Первый «юнкерс» сбросил бомбы на паровоз и снова взмыл в небо. Следом за ним пикировал второй. С ужасающим воем он пронёсся над составом, стреляя из пулемётов. Иван замешкался в дверях вагона, а внизу на насыпи уже раздалась крики и стоны раненых.

— Ты чего? Прыгай скорее! — толкнул Ивана в спину Василий.

Они спрыгнули рядом и побежали к зеленеющему недалеке лесу. «Юнкерс» развернулся на повторную атаку. Следующую бомбу он сбросил в середине состава. Иван услышал пронзительный, щемящий свист, и тут же всё поглотил ужасной силы взрыв. Ивана подхватило взрывной волной и ударило о землю. Тьма покрыла его...

Первое, что он почувствовал в этой тьме, было странное раздвоение, будто он и лежит распластаный на искорёженной земле, и в то же время смотрит на себя со стороны. На нём, лежащем, стоит Вася Боженкин и, склонив к нему лицо, тихо говорит:

— Ваня, вот мы и приехали на войну...

Очнулся Иван от сильной боли в голове и звона в ушах. Он с трудом открыл глаза и посмотрел на ослепительное голубое небо, кружащееся волчком. Когда небо остановилось, Иван смог повернуть голову и посмотреть вбок. На расстоянии вытянутой руки от него лежал Вася и широко открытыми глазами смотрел на друга. На его виске чернела большая кровавая дыра. Сквозь звон в ушах Иван расслышал чьи-то голоса:

— Этого всего осколками посекло. Совсем мальчишка. Жить да жить бы ему! Эхма-а!

— А энтот, рядом, смотри, целый! Контуженый, что ли? Клади на носилки, в санбате осмотрят.

Сильные руки подняли Ивана, положили на тонкий брезент и, колыхая, понесли в санбат, подальше от войны.